5.5.4

Международные отношения,
глобальные и региональные исследования
(политические науки)

International Relations,
Global and Regional Studies

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-3-133-137

УДК: 327

ГРНТИ: 11.25

EDN: EBPAMG

Определяющая роль наследия ГДР в немецком самосознании

**П.Д. Заводнюк[a] ©, Д.Г. Чулаби[b] ©,
Н.В. Богданова[c] ©**

Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого (СПбПУ),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

[a] E-mail: zavodnyuk478@gmail.com

[b] E-mail: dashajjchoulabi@gmail.com

[c] E-mail: nvbogdanova.imop@mail.ru

Аннотация. *Цель исследования.* В данной статье анализируется роль наследия ГДР в немецком самосознании после объединения Германии. На задачу, заключающейся в восстановлении немецкой политической идентичности и самосознании граждан, повлиял, в первую очередь, опыт преобразования бывшего государства ГДР, который выражался в демократизации территории через объединение и воссоединение с Западной Германией в 1990 г. В результате проведенных исследований авторы пришли к выводу, что особенности самоидентификации восточногерманского самосознания могут проистекать из двойного исторического опыта, который выражается в опыте и сохраненной памяти о жизни при активно насаждающейся идеологии социализма и продолжающемся опыте жизни с уже объединенной, но отчасти все такой же чуждой ФРГ. ***Выводы.*** Авторы выделяют два проявления самобытной восточногерманской идентичности: социализм «третьего пути», который появился в результате мирных преобразований 1989 г., а также «Остальгия», подразумевающая собой ностальгию по прошлой жизни в Восточной Германии. Данные два феномена обладают наибольшим потенциалом для того, чтобы и в дальнейшем оставаться в качестве наследия ГДР и наглядной демонстрации сохраняющейся обособленности в самосознании жителей Восточной части современной объединенной Германии.

Ключевые слова: ГДР, социализм, демократизация, объединение, наследие, национальное самосознание, остальгия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Заводнюк П.Д., Чулаби Д.Г., Богданова Н.В. Определяющая роль наследия ГДР в немецком самосознании // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 3. С. 133–137. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-3-133-137. EDN: EBPAMG

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-3-133-137

The Defining Role of the GDR Heritage in German Identity

P.D. Zavodnyuk[a] ©, D.G. Chulabi[b] ©, N.V. Bogdanova[c] ©

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

[a] E-mail: zavodnyuk478@gmail.com

[b] E-mail: dashajjchoulabi@gmail.com

[c] E-mail: nvbogdanova.imop@mail.ru

Abstract. *Purpose of the study.* This article analyzes the role of the legacy of the GDR in German self-consciousness after the reunification of Germany. ***The*** task of restoring German political identity and self-awareness of citizens was influenced, first of all, by the experience of the transformation of the former state of the GDR, which was expressed in the democratization of the territory through unification and reunification with West Germany in 1990. As a result of the conducted research, the authors came to the conclusion that the peculiarities of the self-identification of the East German self-consciousness may stem from a double historical experience, which is expressed in the experience and preserved memory of life with the actively implanted ideology of socialism and the continuing experience of living with the already united, but partly still unfamiliar FRG. ***Conclusions.*** The authors were also able to identify two manifestations of the distinctive East German identity: the socialism of the "third way", which appeared as a result of the peaceful transformations of 1989, as well as "Ostalgia", which implies nostalgia for past life in East Germany. These two phenomena have the greatest potential to continue to remain as a legacy of the GDR and a visual demonstration of the continued isolation in the self-consciousness of the inhabitants of the Eastern part of modern united Germany.

Key words: GDR, socialism, democratization, unification, heritage, national identity, ostalgia

FOR CITATION: Zavodnyuk P.D., Chulabi D.G., Bogdanova N.V. The Defining Role of the GDR Heritage in German Identity. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 3. Pp. 133–137. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-3-133-137. EDN: EBPAMG

ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В контексте демократических преобразований в Восточной Европе, происходящих с конца 1980-х гг., опыт бывшей Германской Демократической Республики (ГДР) была уникальной. Страны Центральной и Восточной Европы следовали модели переходного процесса, осуществляемого силами внутренней оппозиции, часто в рамках переговоров с ведущими коммунистическими силами.

После массовых протестов во время «мирной революции» в ГДР в последние месяцы 1989 года руководство решило отклониться от этой модели. Мирная революция продвигалась почти беспрепятственно в ходе процесса объединения Германии, кульминацией которого стал Договор об объединении от 3 октября 1990 г. Как следствие, переходный процесс внутри ГДР стал вторичным по отношению к процессу объединения во главе ФРГ и в конечном итоге стал почти синонимом этого процесса. Если же противопоставлять происходящие в Западной Германии процессы особенностям демократизации по восточноевропейской модели, то можно сказать, что это была некая «трансформация извне». Более того, способы принятия решений в рамках этого процесса превратили ГДР в объект политической стратегии будущего руководства ФРГ [1].

МЕТОДЫ

К методам данного исследования относится анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной роли наследия ГДР в немецком самосознании после объединения Германии, правовых международных документов и научных публикаций по изучаемой тематике.

ПРОЦЕСС ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ И ПОИСКИ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В переходных странах Центральной и Восточной Европы субъект и объект трансформации были одними и теми же, и каждая страна проводила свою собственную трансформацию на своих собственных условиях. Однако в случае с Германией субъектом трансформации была ФРГ, а объектом – ГДР. Потенциально суверенный процесс демократизации в ГДР был поглощен конфликтом интересов со стороны ФРГ, который касался объединения двух Германий. Для ГДР это должно было стать уникальным процессом демократического перехода через унификацию некогда единого народа [2]. На протяжении всего послевоенного периода бывшие ФРГ и ГДР были непримиримыми идеологическими соперниками, то есть государствами, созданные

в оппозиции друг к другу и воплощавшие в себе конфликты времен холодной войны. Каждый из них представлял себе будущую Германию, объединенную на условиях, приемлемых для его собственных государственных ценностей и ценностей его союзников в лице блока НАТО и ОВД. Для бывшей ФРГ это означало территориальное восстановление, основанное на западных демократических идеалах либерализма, конституционализма и капитализма.

К началу 1990 г. западногерманское правительство, возглавляемое ХДС, определилось с курсом действий, ведущим к быстрому, необратимому объединению Германии, которое сохранило бы конституционные права ФРГ. Был введен в действие закон, позволяющий расширить ранее существовавшие конституционные рамки, включив в них территорию бывшей ГДР. Это стало основой «трансферной парадигмы» процесса объединения, характеризующегося распространением устоявшихся форм политической организации и политического представительства ФРГ на бывшую ГДР. Важно отметить, что объединение Германии в 1990 г. не преследовалось и не воспринималось как слияние равных; скорее, было молчаливо признано, что Запад вышел победителем из Холодной войны и «выиграл» борьбу между соперничающими немецкими культурами и идеологиями. Как следствие, одной из наиболее поразительных особенностей трансфертной парадигмы была ее экстенсивность. Первый государственный договор о валютном, экономическом и социальном союзе (1 июля 1990 г.) избавил зарождающееся государство от устаревшей экономической модели ГДР и заменил его западногерманской моделью [3].

Договор об объединении от 3 октября 1990 г. формально уничтожил территориальную целостность бывшей ГДР. Типичными официальными формами терминологии были «новая земля» или «территория присоединения», оба из которых относят бывшую ГДР к части ранее существовавшего федерального государства ФРГ. Объединение двух немецких государств приветствовалось на народном уровне, и в соответствии с реалиями посткоммунистического международного порядка никогда не было никаких требований о полном возвращении к государственному социалистическому режиму [4]. Вопреки всему упомянутому, нет никаких сомнений в том, что социальное и экономическое сообщество ГДР пережило внезапный и травмирующий разрыв со своей прошлой жизнью, с которым многие до сих пор пытаются примириться [5]. С объединением народ бывшей ГДР ощутил внезапную потерю практически всех точек опоры, которые формировали их политическое сообщество и социальное самосознание [4].

Они стали гражданами бывшего конкурирующего государства – ФРГ. Их статус подчиненных и униженных, ключевой для статуса индивида в бывшем политическом сообществе, был девальвирован и во многих случаях сведен на нет новым опытом массовой безработицы или внезапным устареванием профессиональной квалификации. Как характер, так и масштабность процесса объединения поднимают много вопросов в отношении восстановления политической идентичности в посткоммунистической Восточной Германии. Демократизация ГДР путем объединения фактически лишила восточных немцев возможности завершить свою демократическую революцию на их собственных условиях и в их собственном темпе. Это привело к беспрецедентно резким и радикальным социальным изменениям в политическом сообществе.

РАЗДЕЛЕННАЯ ГЕРМАНИЯ: КОРНИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Мнения комментаторов разделились по вопросу о том, действительно ли 40-летний раздел Германии способствовал формированию двух отдельных немецких идентичностей, одной «восточной» и другой «западной». Можно привести два противоположных примера. Первый заключается в том, что каждая из Германий выработала отдельную идентичность, отмеченную преобладающими нормами и ценностями ее старших партнеров по альянсу. Альтернативная точка зрения заключается в том, что сохранялась единая идентичность, эффективно определяемая в терминах общей истории и культурного наследия немцев. Эта идентичность была поддержана и получила дальнейшее развитие в ФРГ и обеспечила «эталонную культуру» и некий образец подражания для ГДР.

С точки зрения западногерманских пропагандистов неспособность властей ГДР создать независимую восточногерманскую идентичность усугублялась тем фактом, что ФРГ стала основным источником идентичности и для восточногерманского народа. В послевоенный период не только сформировалась «общегерманская» идентичность, основанная на западных ценностях, но и послужила одним из катализаторов мирной революции 1989 г. С тех пор она проявлялась в решимости правительств как во главе с ХДС, так и СДПГ после объединения содействовать укреплению и распространению идеи «внутреннего единства» в Германии на основе западногерманских конституционных и социальных ценностей [6]. Примеры из современной жизни и исторического опыта немецкого народа свидетельствуют о том, что реальность более сложна, чем предполагают эти две противоречащие друг другу альтернативы. В выше упомянутом примере утверждается, что ГДР не смогла выработать самостоятельное и легитимное объяснение идентичности для восточногерманских жителей на уровне государства и режима. Тем не менее, социалистические ценности находили и продолжают находить отклик на народном уровне, предполагая потенциал национальной самоидентификации, отличной от идентичности жителей Западной Германии.

В то время как образцовая культура ФРГ была и остается важной в формировании мечтаний населения Востока, она не была принята повсеместно выходцами с Востока. Скорее всего, отношения жителей Востока со своими западными «старшими товарищами» сложны. Жители Востока восхищаются многими аспектами западной модели и стремятся к ним, но другие их отталкивают. По этим причинам не следует предполагать, что неприятие населением государственной социалистической системы подразумевает

полное и беспрекословное принятие режима ФРГ и сопутствующих ему ценностей [1]. Таким образом, утверждается, что в годы разделения Германии провал отдельной идентичности ГДР был ограничен уровнем государства и режима и что это важно для формирования современной посткоммунистической идентичности в бывшей ГДР.

В период с 1949 по 1989 г. каждая Германия вела непрерывную борьбу за самоактуализацию и международное признание, определяемое разрушительным опытом нацизма и дальнейшим биполярным международным порядком времен холодной войны. Это осуществлялось с помощью государственной пропаганды, взаимного непризнания, символических заявлений и политических жестов и, особенно в ФРГ, с помощью судебной практики.

В первые послевоенные годы эта тактика сопровождалась словесно-враждебными и эмоциональными перепалками между немцами. Правительства на Западе описывали ГДР как «террористический режим». ГДР, возглавляемая СЕПГ, назвала ФРГ страной, в которой доминируют «фашистские» и «монополистические капиталистические» элементы [6]. Для каждого из двух этих государств и его жителей значительная часть самосознания опиралась на пропаганду представлений о слабости другой Германии. Хотя введение активной политики Вилли Брандта в 1970-х гг. снизило уровень агрессивности этих обменов, каждое государство продолжало самоутверждаться отчасти за счет выгодных сравнений со своим соперником. Одной из важных особенностей соперничества двух Германий было то, что с годами игра становилась все более перекошенной в пользу бывшей ФРГ [7]. ФРГ оказалась в значительно более безопасном положении из-за сотрудничества в рамках альянса западных страны и иных международных организаций, чем ГДР с ее Советским Союзом. ФРГ смогла развить независимые экономические ресурсы, достаточные для того, чтобы обеспечить международное признание и легитимность своему послевоенному режиму способом, который был просто недоступен для ГДР. Таким образом, как на государственном, так и на общегражданском уровне устремления в ГДР были отчасти сформированы в ответ на предполагаемый успех ФРГ в создании успешной экономики и законного государства.

ФЕНОМЕН «ОСТАЛЬГИИ»

Во времена объединения западногерманские социальные предубеждения о восточных немцах стали характеризоваться снисходительностью, смущением и подозрительностью в отношении моральной целостности восточного сообщества. Они были сформулированы в контексте западных представлений о прошлом (в частности, о национал-социализме), отношений между государством и личностью (в частности, «пассивного» признания восточными властями режима Штази, или тайной полиции) и экономического сообщества (менталитет «всеобщего благосостояния» жителей Востока). Восточные социальные предубеждения жителей Запада включали в себя глубокое чувство неполноценности, зависть к социальным и экономическим свободам Запада, негодование по поводу полного неприятия западом восточных ценностей и немалую долю беспомощности [8]. Эти предубеждения формируют фон для развития посткоммунистических форм идентичности в бывшей ГДР. Они подпитывают негативные стереотипы о «осси» (жители Востока) и «весси» (немцы Запада) [9], а также общее восприятие восточных немцев как «граждан второго сорта».

Сожаления об утраченной безопасности жизни при СЕПГ получили название «остальгия» (*Ostalgie*), игра слов, изображающая именно специфическую «восточную» ностальгию. «Остальгия» выступает в качестве центрального фокуса как для переосмысления прошлого в попытке спасти некоторые достойные коллективные воспоминания для сохранения хоть какой-нибудь почвы для дальнейшей жизни на западных условиях объединения [8], так и для упрощения процесса самосознания, поиска новой определяющей самоидентификации и формулирования коллективной идентичности для сообщества, которое не в полной мере отождествляет себя со своими западными наставниками. Попытки проверить восприятие «остальгии» с помощью опроса общественного мнения показывают, что около половины восточных немцев склонны к ностальгическим чувствам по ГДР [10].

Кассеты и компакт-диски со знакомыми социалистическими патриотическими песнями для детей и молодежи широко доступны и в наше время. Здесь представлены книги, настольные игры и игры в стиле «Тривиальной погони», которые охватывают все [11]: от острых, сатирических шуток о ГДР до меню, подаваемого высокопоставленным лицам на государственных мероприятиях. Интернет-сайты предлагают некогда привычную мебель, игрушки и даже продукты питания времен бывшей ГДР, а фильм «Гудбай, Ленин!», который был выпущен в 2003 г. является наглядной демонстрацией того насколько неохотно население Восточной Германии расставалось со своим прошлым.

ВЫВОДЫ

После того, как первоначальная эйфория от объединения Германии сменилась последующим разочарованием в бывшей ГДР, восточные немцы начали стараться выявлять какие-либо «положительные» стороны своего уже утраченного социалистического прошлого – они ретроспективно открывали для себя идентичность ГДР (*nachgeholte Identitat*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если же на заключительном этапе работы анализировать все вышесказанное, то можно сказать о том, что спрос на так называемую «остальгию» и вновь возросшая потребность в выявлении роли и влияния восточногерманской идентичности на национальное самосознание немцев является по большей части социальной потребностью граждан ФРГ в сохранении воспоминаний и связей с прошлым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нефедов В.В.* Гуманитарный фактор и культура в ГДР // Преподаватель XXI век. 2011. № 3–2. С. 261–266.
2. *Le Gloannec A.-M.* On German identity // Daedalus 123. 1994. No. 1. Pp. 129–148.
3. *Волгина Е.В.* Проблема объединения Германии в 1990 году // Форум молодых ученых. 2018. № 4 (20). С. 294–297.
4. *Шаншиева Л.Н.* От ГДР к восточным федеральным землям Германии: особенности экономической и политической трансформации (1989–2019 гг.) // Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий 1989–2019. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 89–101.
5. *Хорольская М.В.* Германия после объединения: политические проблемы и противоречия интеграционного процесса: дис. … канд. полит. наук (специальность 23.00.02). М., 2019. 22 с.
6. *Филитов А.М.* Национальный вопрос в послевоенной Германии // Преподаватель XXI век. 2016. № 4–2. С. 428–440.
7. *Рожнов Р.Д.* Проблема сохранения монументального наследия ГДР после объединения Германии // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. Вып. 4. М.: Издат. дом КДУ, 2023. С. 276–279.
8. *Бардин Г.Е.* Влияние остальгии и существования ГДР на политическую и социальную повестку ФРГ // История и современное мировоззрение. 2022. № 2. С. 132–139. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-ostalgii-i-suschestvovaniya-gdr-na-politicheskuyu-i-sotsialnuyu-povestku-frg (дата обращения: 09.04.2023).
9. *Федорова О.О.* Феномен германской «остальгии» // Молодой ученый. 2010. № 10. С. 231–233.
10. *Жукова А.А.*, *Пятунина А.А.* Остальгия. Тоска по ГДР // Профессионально-личностное развитие студента в иноязычной образовательной среде: сб. ст. по матер. студ. науч. семинаров, Москва, 19–23 октября 2020 г. / под ред. О.В. Павленко. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. С. 397–409.
11. *Дробот Н.* Остальгия как особое художественное направление в современном изобразительном искусстве // Философические письма: русско-европейский диалог. 2018. Т. 1. № 2. С. 112–133.

REFERENCES

1. *Nefedov V.V.* Humanitarian factor and culture in the GDR. *Lecturer XXI Century*. 2011. No. 3–2. Pp. 261–266. (In Rus.)
2. *Le Gloannec A.-M.* On German identity. *Daedalus 123*. 1994. No. 1. Pp. 129–148.
3. *Volgina E.V.* The problem of German unification in 1990. *Forum of Young Scientists*. 2018. No. 4 (20). Pp. 294–297. (In Rus.)
4. *Shanshieva L.N.* From the GDR to the eastern federal lands of Germany: Features of economic and political transformation (1989–2019). In: Transformational revolutions in the countries of Central and South-Eastern Europe. To the 30th anniversary of the events of 1989–2019. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2021. Pp. 89–101.
5. *Khorolskaya M.V.* Germany after unification: political problems and contradictions of the integration process: Dis. … of Cand. Sci. (Polit.). Moscow, 2019. 22 p.
6. *Filitov A.M.* The national question in post-war Germany. *Lecturer XXI Century*. 2016. No. 4–2. Pp. 428–440. (In Rus.)
7. *Rozhnov R.D.* The problem of preserving the monumental heritage of the GDR after the unification of Germany. In: Language. Culture. Translation. Communication: Collection of scientific works. Issue 4. Moscow: KDU Publishing House LLC, 2023. Pp. 276–279.
8. *Bardin G.E.* Influence of ostalgia and the existence of the GDR on the political and social agenda of the FRG. *History and Modern Outlook*. 2022. No. 2. Pp. 132–139. (In Rus.) URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-ostalgii-i-suschestvovaniya-gdr-na-politicheskuyu-i-sotsialnuyu-povestku-frg (data of accesses: 09.04.2023).
9. *Fedorova O.O.* The phenomenon of German “ostalgia”. *Young Scientist*. 2010. No. 10. Pp.. 231–233. (In Rus.)
10. *Zhukova A.A.*, *Pyatunina A.A.* Ostalgia. Longing for the GDR. In: Professional and personal development of a student in a foreign-language educational environment: Collection of articles based on materials from student scientific seminars. Moscow, October 19–23, 2020. O.V. Pavlenko (ed.). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2021. Pp. 397–409.
11. *Drobot N.* Ostalgia as a special artistic direction in contemporary fine arts. *Philosophical Letters*: *Russian-European Dialogue*. 2018. Vol. 1. No. 2. Pp. 112–133.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 71,44%

Р е ц е н з е н т: *Погодин С.Н.*, доктор исторических наук, профессор; директор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Статья поступила в редакцию 19.04.2023, принята к публикации 23.05.2023
The article was received on 19.04.2023, accepted for publication 23.05.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Заводнюк Полина Дмитриевна, студентка Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: zavodnyuk478@gmail.com

Чулаби Дарья Горбан, студентка Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: dashajjchoulabi@gmail.com

Богданова Надежда Викторовна, кандидат педагогических наук; доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Санкт-Петербург, Российская Федерация. SPIN: 8701-6177; E-mail: nvbogdanova.imop@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Polina D. Zavodnyuk, student at the International Relations Higher School of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: zavodnyuk478@gmail.com

Daria G. Chulabi, student at the International Relations Higher School of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: dashajjchoulabi@gmail.com

Nadezhda V. Bogdanova, PhD in Pedagogy; associate professor at the International Relations Higher School of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. St. Petersburg, Russian Federation. SPIN: 8701-6177; E-mail: nvbogdanova.imop@mail.ru